

Иосиф КУРАЛОВ

Я ЗАРАСТАЮ ПАМЯТЬЮ

Фрагменты рукописи

ОТ АВТОРА

Несколько лет сидит во мне мысль – записать то, что помню. Не только о писателях, а обо всех и обо всём. Начать с первых детских воспоминаний и долететь, дойти, доползти до сегодняшнего дня. При этом нахожусь в длительном размышлении: как говорить – от первого лица, употребляя местоимение «я», и этот я – Иосиф Куралов, или придумать героя и одеть его в мою биографию? Первый вариант ко многому обязывает, прежде всего не отрываться от действительности. Во втором – полная свобода, можно и волю воображению дать. Но тогда это будут записки, добытые не только из памяти. К тому же вариант с героем чреват уходом в художественную прозу – рассказ, повесть, роман. Пробовал – знаю. И ещё одно необходимое пояснение: в качестве названия всего этого текста взята первая строка из стихотворения Давида Самойлова «Память».

НАШ ПЕРВЫЙ

Евгений Сергеевич Буравлёв – первый руководитель Кемеровского областного отделения Союза писателей РСФСР. Первый как главный и первый как первый. До него в Кузбассе писательской организации не было. Он в 1962 году её создал и возглавил. Фамилия поэта Буравлёва – образ, ярко говорящий о его характере. Там, где другие отступали, он брал дело в свои руки, чтобы реализовать, воплотить, продавить, пробуравить. Такое не каждому под силу. Он – мог. Он был воплощением своей фамилии. А его стихи были воплощением его самого.

*А вы смогли б свободно, просто,
Без дани веяньям времён
Свои стихи прочесть с помоста,
Где Стенька Разин был казнён?
Ведь вы ж могли, взойдя на площадь,
Что занял глыбища-поэт.
А здесь – подавно. Здесь же проще.
Здесь даже памятника нет!
Смогли б такие, чтоб от сердца –
От первой строчки до конца,
Чтоб обратить в единовеццев
На всей Святой Руси сердца?
Такие, чтобы не в угоду
Ни тем, кто судьбами вершил,
Ни тем, кто в трудный час народа
Лишь под ногами мельтешил?
Смогли б?.. Добро. Но прежде взвесьте,
Достанет ли ума и сил:
Ведь это здесь, на этом месте, –
Начало правды на Руси.
Здесь в честь побед салютовали,
Скорбели в годы тяжких бед,
И здесь же тех четвертовали,
Кто был предвестником побед.
Ну, кто из вас предельно честен?
Готов ли он, как на суду,
Прочесть стихи на лобном месте,
У всей России на виду?*

109

Буравлёв обратил в единовеццев сердца писателей Кузнецкой земли и создал организацию. Без него писательская организация в Кузбассе, наверное, появилась бы. Но лет на десять позже. Для литературы и в целом культуры Кузбасса это было бы чем угодно, но только не плюсом. Пишущие профессионалы наверняка поглядывали бы в сторону областей, где писательские организации уже имелись. А может, и уезжали бы в эти области. Что никак не усиливало бы духовную составляющую нашего индустриального края.

О значимости Буравлёва для Кузбасса историки могут сказать много. Читатели соглашались с историками, но, пожалуй, внесут поправку: главное в Буравлёве – не организатор, а поэт. А писатели – продолжатели дела Буравлёва на Кузнецкой земле – согласятся и с историками, и с читателями. Евгений Буравлёв – талантливейший русский поэт и большой организатор, один из тех редких людей, без которых полноценная жизнь культуры невозможна.

У него и биография достойнейшего человека. Человека, по чьим делам и стихам можно представить трагическую красоту великой эпохи, в которую он жил. Человека, который был бы оценён в любой эпохе, и составил бы ей честь, и украсил её своим присутствием в ней. Вот такой он – наш Первый. И без него сегодняшний юбилей был бы невозможен.

ЛЕГЕНДАРНЫЙ ВОЛОШИН

Выдающийся русский прозаик Александр Никитич Волошин в 1949 году опубликовал роман «Земля Кузнецкая» и был награждён за него Сталинской премией. Вокруг лауреатов этой премии ходили легенды. Возникла она и в связи с Волошиным. По легенде, Сталин спросил у кого-то из членов комитета по премиям своего имени в области литературы и искусства: «Есть хорошие произведения о врачах, учителях, хлеборобах, строителях, металлургах, о представителях других профессий, а о шахтёрах нет. Почему?» И получил ответ: «Такое произведение есть», – «Дайте почитать», – попросил Сталин. Ему принесли роман Александра Волошина «Земля Кузнецкая». Прочитав, он сказал, что книга заслуживает Сталинской премии.

Сколько в этой легенде правды, сколько вымысла – неизвестно. Но известно совершенно точно, что такие легенды, не лишённые внутреннего смысла и красоты, на пустом месте не возникают. Эта легенда возвышает не только автора романа, но и Кузнецкую землю, о которой написана эта книга. И недаром именем Александра Волошина названа областная премия за наиболее талантливые, отличающиеся новизной и оригинальностью произведения в прозе, драматургии, публицистике, получившие общественное признание и являющиеся значительным вкладом в художественную культуру Кузбасса.

ВСЕКУЗБАССКИЙ УЧИТЕЛЬ

Михаил Александрович Небогатов – талантливый поэт и всекузбасский учитель теории и практики стихосложения. Кафедрой учителя многие годы была областная газета «Комсомолец Кузбасса», на страницах которой он давал свои уроки, а учениками – молодые и не очень молодые стихотворцы, присылавшие свои стихи в редакцию молодёжной газеты.

Я читал уроки Небогатова ещё в детстве. Но сам стихи в «Комсомолец Кузбасса» не посылал

и объектом его критики на страницах газеты не становился. Под его критику я попал значительно позже, в 1972 году, когда мне было 19 лет. Небогатову нравились Твардовский и Рыленков, а мне – Вознесенский, что по моим стихам было видно с первого взгляда.

Не очень вникая в мои стихи, Небогатов рассказал, почему ему не нравится Вознесенский и почему не стоит у него учиться. Сегодня, с высоты своих нынешних лет, я прекрасно понимаю Михаила Александровича и согласен с ним. А тогда не понял и ушёл от него в некотором раздражении.

В 1985 году у меня вышла первая книга («Пласт»). В те времена проводились общие собрания членов Союза писателей и молодых авторов (или как их называли – «несоюзной молодёжи», к коей относился и я). На одном из таких собраний Небогатов очень хорошо отозвался о моей книге, о других моих публикациях, при этом вспомнил о моём визите к нему в 1972 году, сказал, что я проделал большой путь. И в целом признал меня талантливым поэтом.

Однако это признание не помешало ему писать пародии на мои стихи и публиковать их в «Комсомольце Кузбасса». Пародии были не злые, скорее – дружелюбные. Да я бы и на злые не обиделся. Впрочем, пародии он писал практически на всех. И обиженных я не помню.

Пародист, сидевший в Небогатове, выдавал в нём человека любознательного, равнодушного, живого. Который по завету Пастернака «ни единой долькой не отступался от лица, но был живым, живым и только, живым и только – до конца».

А когда Михаил Александрович ушёл из жизни, мне довелось стать редактором первой и долгие годы единственной посмертной его книги. Тогда я впервые увидел его стихи, написанные им в юношеские годы – в годы войны. Они вошли в эту книгу. И то, что я прежде знал о нём как о солдате Великой Отечественной, награждённом орденами и медалями, демобилизованном в 1943 году после тяжёлого ранения, и то, что впервые узнал из его полных жажды жизни юношеских стихов, создало образ нового, неизвестного мне ранее Небогатова, в котором воедино сошлись три его стези – воин, поэт, учитель.

А поэтическая и человеческая сущность Михаила Небогатова, на мой взгляд, лучше всего проявилась в этом стихотворении:

Не удивлять, а удивляться
Я в этот светлый мир пришёл.
Где цвет черёмух и акаций
И в блеске дня жужжанье пчёл.
Смеётся ль синий май в Сибири,
Сентябрь ли хмурится, скорбя, –
Всё время что-то в этом мире
Я открываю для себя.
Моим открытиям нет предела.
Дивлюсь, живя среди людей,
И красоте лица и тела,
И высоте людских идей.
Всей жизни бурной, многоликой,
По-детски радуясь, дивлюсь.
И этой радостью великой
Я с вами дружески делюсь.
Чтоб в серебре метельной пыли
И в звоне вешнего ручья
Вы так же крепко полюбили
Наш краткий праздник бытия.

ДРАГОЦЕННАЯ РЕКОМЕНДАЦИЯ БАЯНОВА

Виктор Михайлович Баянов – поэт, говоря о котором многие добавляют: милостью Божией. О его первых тоненьких книгах – «Росы» (1963) и «За рекой Талиновой» (1965) – слегка перефразируя знаменитое стихотворение Афанасия Фета «На книжке стихотворений Тютчева», можно сказать так: две эти книжки небольшие томов премногих тяжелей.

Тот высочайший уровень качества, который Баянов взял в первых книгах, он никогда впоследствии не снижал. И когда несколько лет возглавлял журнал «Огни Кузбасса» как главный редактор, он задал свой высокий уровень всему журналу. Такой уровень, как в одном из лучших стихотворений, не только у него, но во всей русской лирике второй половины двадцатого столетия:

*Бойся, Анна,
Слушай, Анна,
И ушам своим не верь:
Кто-то громко, кто-то странно,
Незнакомо стукнул в дверь.
Твой бродяга, твой отходник
С полной сумкой за спиной,
Твой удачливый охотник
Возвращается домой.
Он твои забросит ситцы,
Он не то тебе добыл –
Для тебя в тайге лисицу
Чернобурую убил.*

*Только входит он сурово,
Словно кедр, высок и прям.
На щеке застыл свинцово
От медвежьей лапы шрам.
Знать, умаяла дорога
Через горы и лога.
Знать, заметил у порога
След чужого сапога.
Ох, заметил след неяркий,
Потому не ест, не пьёт,
Драгоценные подарки
Из мешка не достаёт,
Не глядит на молодую
И, натуре вопреки,
Клонит голову седую
На большие кулаки.*

При этом Баянов – один из тех редких поэтов, которые не только писали стихи, но и работали на производстве. Никогда Виктор Михайлович не уходил на так называемые вольные хлеба, которые порой оказываются подневольными. Почти весь свой трудовой стаж Баянов заработал в качестве машиниста паровоза и тепловоза. Многие годы трудился в железнодорожном цехе объединения «Азот».

По трудовой книжке Баянов – работяга. Но не каждый литературовед знал литературу так хорошо, как этот «работяга». И не только литературу, а всё и обо всём. Однажды, в девяностые годы, когда писательская организация была расколота на две, и мы с Баяновым были в разных организациях, он по какой-то надобности зашёл в нашу организацию, где я работал заместителем председателя. Я в кабинете был один. Баянов зашёл часов в 11, а вышел около 18. Всё это время мы проговорили о стихах, о поэзии, о мировых проблемах, о времени, о себе, обо всём, ни о чём, о женщинах, о вине, о войне, о мире, о новорусских хамах, о политике, о политиках, о поэтах больших и местных, о художниках, об артистах, о музыкантах, о певцах, о звёздах, о Вселенной, о бесконечности пространства и времени. Наверное, не было темы, которую мы не затронули. Время нашего общения промелькнуло для меня мгновенно. Хочется верить, что и для Виктора Михайловича – тоже. И это было во времена раздрая. Что убедительно доказывает: нормальным людям никакой раздрай никогда и ни в чём не помеха.

Теперь мне кажется, что у меня никогда в жизни – ни до, ни после – не было столь тонкого,

умного, образованного собеседника. А за несколько лет до этой памятной мне беседы Виктор Михайлович Баянов написал мне рекомендацию в Союз писателей СССР. Эту рекомендацию я храню среди своих самых драгоценных бумаг.

ТВОРЕЦ ШЕДЕВРОВ ПРОЗАИК МАЗАЕВ

Владимир Михайлович Мазаев – прозаик выдающийся и, на мой взгляд, недооценённый критикой и вслед за ней – многими современниками. Его «Три рассказа сибирячки» – один из шедевров русской прозы второй половины двадцатого столетия, наряду с лучшими произведениями Валентина Распутина и Василия Шукшина. Очень значительными видятся и другие произведения Мазаева. Такие, как «Разомкнутая цепь», «Дамба», «Странная командировка», «Особняк за ручьём», «Грозовая аномалия», «Зиму пережить».

Язык Мазаева отточен и точен. Каждое слово стоит на месте. И никаким другим его не заменишь. Характеры выписаны подробно и в то же время без лишних деталей. А в целом детали, которые, как известно, бог прозы, не только в описании характеров, а везде – абсолютно уместны и создают картину, которую воспринимаешь не как плод работы автора, а как реальность.

Было у Владимира Михайловича и одно замечательное умение, которого очень не хватало и не хватает многим в писательской братии: он мог перевернуть стакан. «Что это такое? – спросят меня. – Экое геройство – перевернуть стакан».

Что ж, поясню непонятливым. В разгаре писательской пирушки Мазаев переворачивал стакан вверх дном и ставил его на стол, что значило: мне не наливать! Он оставался за столом, слушал стихи и дружескую болтовню писателей, сам добавлял в неё лепту, но уже не выпивал.

Он не был ни трезвенником, ни язвенником, ни ханжой, никогда не отказывался сесть за дружеский стол, нередко сам становился инициатором пирушек, но вино (а пил он именно вино, в основном сухое) никогда не было его целью, оно было средством для создания дружеской атмосферы, играло роль вспомогательную.

Зачем я вспомнил об умении Мазаева переворачивать стакан и что я хотел этим сказать? А то, что и в отношениях с вином Мазаев был ма-

стер. Не оно им владело, а он – им. Как хотел, когда хотел, где хотел. Точно так же уверенно, мастерски, как владел пером.

Работал Мазаев не только за писательским столом. Он был и корреспондентом областных газет «Комсомолец Кузбасса» и «Кузбасс», и главным редактором Кемеровского книжного издательства, и руководителем Кемеровской областной организации Союза писателей РСФСР, и главным редактором альманаха «Огни Кузбасса», и главным редактором журнала «Литературный Кузбасс», и даже, короткое время, – директором Кемеровского книжного издательства.

Но всегда и везде оставался Мазаевым. Талантливым, честным, человеческим.

МАГНИТ ИГОРЬ КИСЕЛЁВ

Игорь Михайлович Киселёв – поэт, проживший очень короткую по человеческим меркам жизнь. Меньше 50 лет. Но за отпущенные ему годы он успел сделать много. Как поэт – яркий, самобытный, талантливый. И как наставник пишущей молодёжи. Сам ещё вполне молодой человек, он в семидесятые годы неоднократно становился главным руководителем секции поэзии областных совещаний молодых писателей. Его комментарии были ёмкими, точными, яркими, образными, иногда колкими и, возможно, для кого-то небезобидными, но всегда полезными.

Совещания молодых писателей проводились в помещении писательской организации, в Доме политпросвещения, а иногда местом обсуждения рукописей молодых авторов становилась маленькая квартирка Игоря Киселёва на пятом этаже дома по проспекту Ленина. Обсуждения в квартире Киселёва, куда к назначенному времени собирались и авторы, и оппоненты, ни в чём и ничуть не уступали обсуждениям на совещаниях, а эмоционально превосходили их.

Сегодня на стене дома висит мраморная доска, сообщающая, что в нём жил Игорь Киселёв. А на первом этаже расположился магазин «Магнит». Что весьма символично: когда-то этот дом был магнитом для пишущей братии, потому что здесь жил один из лучших поэтов России, а через много лет, сегодня, этот дом снова стал магнитом. Для всех. В том числе и для тех, кто помнит, что в нём жил Игорь Киселёв, который когда-то написал эти потрясающие стихи:

112

*Не знаю, отчего,
На вид обыкновенны,
У дома моего
Просвечивают стены.*

*Я долго строил дом,
Чтоб, не сломав традиций,
Тем домом, как щитом,
От всех отгородиться.*

*Как панцирь, как броню
Перед ветрами всеми,
В которой сохраню
Себя от потрясений.*

*Пророчу или лгу,
Смеюсь, буюню, плачу –
Я нежность и тоску
От глаз чужих упрячу!*

*Здесь судит мой закон
Неправого и злого.
Здесь не замкнут замком
Трепещущего слова!*

*И вот я у стола,
Один во всей Вселенной.
Но, словно из стекла,
Просвечивают стены!*

*И мир, прорезав тьму,
Ликуя и стеная,
Гремит в моём дому
За четырьмя стенами.*

*Тревогу затая,
Быль с выдумкой мешая,
Не знаю, где моя
Беда, а где – чужая.*

*Быть может, оттого,
Светлы и откровенны,
Просвечивают стены
У дома моего...*

ЧЕЛОВЕЧИЩЕ

Валентин Васильевич Махалов – не просто поэт, прозаик, публицист. Несомненно, всё это в нём было с избытком. И во всех этих качествах – талантливый.

Но главное его качество – человечище. Человечище он был гигантский. Дело тут не в росте

и не в объёме грудной клетки, которые у Махалова тоже были вполне выше и больше среднего. Дело в широте души. Она у Махалова была беспредельная, бесшабашная, весёлая, яркая, красивая, русская.

А лучше всего о том, что это за такое, не укладываемое ни в какие рамки и «правильным людям» не очень понятное явление – Валентин Васильевич Махалов, говорят его собственные стихи, при чтении которых возникают комки в горле и влага в глазах:

*Состарюсь, но не повзрослею.
Не дописав последний стих,
Уйду в осеннюю аллею
Надежд несбывшихся своих.
И буду долго-долго слушать
В насторожённой тишине
Свою ребяческую душу,
Ещё звенящую во мне.
И вдруг в каком-то озаренье
Последним напряженьем сил
Пойму, что жизнь – одно мгновенье,
Которым я не дорожил.*

113
Это пронзительное, щемящее стихотворение приобретает трагический оттенок, когда знаешь, какими стали последние годы жизни Валентина Махалова. Взрослый ребёнок, баловень судьбы, в последние годы он страдал от тяжёлой болезни, с которой так и не смог справиться. Но в памяти тех, кто его знал, он, Человечище, живёт молодой, весёлый, красивый, такой же, как его бесшабашная русская душа.

ЧЕЛОВЕК С ТВЁРДОЙ ФАМИЛИЕЙ – РУДИН

Виль Григорьевич Рудин был талантлив многосторонне. И все грани его таланта великим трудом, неиссякаемой работоспособностью были доведены до совершенства. Впервые я увидел Рудина в ситуации, в которой даже предположить не мог, что когда-то буду с этим человеком состоять в одной писательской организации и он станет моим старшим товарищем. Во всех смыслах старшим: от возраста до опыта – писательского и житейского.

Время и место действия – середина семидесятых годов двадцатого столетия, Кемеровский государственный институт культуры, где я учился. В фойе висела афиша, на которой было написано, что в актовом зале состоится лекция о международном положении, лектор – Рудин

Виль Григорьевич, вход – свободный. В писательской организации в те времена я был знаком, в основном, с поэтами, да и то далеко не со всеми. О прозаике Виле Рудине слышал, но никак не думал, что писатель Рудин и лектор Рудин – один и тот же человек.

В тот день он больше был похож на артиста, чем на лектора или писателя. На сцену вышел стремительно. Вниманием аудитории завладел мгновенно. Вместе с ответами на вопросы, которые тогда задавали в записках, лекция заняла часа два. Время пролетело незаметно. И ни разу, как многие в подобных случаях, лектор не сказал: «Тише, товарищи, прекратите шум в зале, прошу внимания», потому что внимание и так было приковано к нему, блистательному оратору и совершенно очевидному знатоку раскрываемой темы.

Через бездну лет, когда мы были с Вилем Григорьевичем в одной организации и у нас сложились товарищеские отношения, я напомнил ему об этой давней лекции и спросил, каким образом он смог ответить на все вопросы (а их было несколько десятков) нескомканно, развёрнуто, полноценно?

«Я же к каждому мероприятию готовлюсь, – ответил Рудин, – погружаюсь в тему, изучаю, стараюсь узнать всё, что прежде мне было неизвестно».

Он и книги так писал: погружался в тему, изучал её, для чего не только работал в архивах, но ездил в командировки, в том числе и за границу, начинал чувствовать себя в теме, как рыба в воде. И после этого приступал к созданию художественного текста. Думается, именно так и написаны его лучшие книги, имеющие яркие, звучные, запоминающиеся названия: «День Икс», «Зажми сердце в кулак», «Пять допросов перед отпуском», «Тропа над пропастью», «Между вчера и завтра».

Сделал эти книги человек, обладающий литературным и ораторским даром, сильным характером, прочной жизненной позицией и твёрдой фамилией – Рудин.

ЕГО НЕ ЖДАЛИ, А ОН ПРИШЁЛ И СКАЗАЛ

Владимир Тимофеевич Поташов – поэт трагической судьбы. Трагических судеб в отечественной литературе немало. Все трагедии имеют как общие, так и сугубо индивидуальные черты. Общие – отсутствие возможности передать людям свой дар в полном объёме. Индивидуаль-

ные – причины этой невозможности: смерть поэтов в ежовских застенках (Павел Васильев, Борис Корнилов), гибель на войне (Павел Коган, Михаил Кульчицкий), смерть в расцвете таланта и славы от беспредельной хрущёвской тупости (Борис Пастернак).

Но все эти поэты успели взять от жизни много. Особенно Пастернак. Его прижизненная слава была невероятна, его любил Сталин. Корнилов и Васильев в тридцатые годы были знаменитыми советскими поэтами, публиковавшимися в лучших всесоюзных журналах и газетах. Даже совсем юные Кульчицкий и Коган, по возрасту сопоставимые с нашими Буравлёвым и Небогатовым, перед войной успели почувствовать себя настоящими поэтами, которых ждёт большое будущее, поскольку учились в Литинституте имени Горького, в семинаре Ильи Сельвинского.

А есть поэты, которых как бы изначально никто, ничто, нигде не ждёт. И никакое будущее им не светит. Трагедии этих поэтов куда огромнее и страшнее, чем трагедии названных выше. Главная особенность трагедии поэтов, которых «не ждут», – ощущение наличия в себе двух взаимоисключающих вещей – сильного поэтического дара и подавляющей безысходности, сквозь которую этому дару невозможно пробиться.

Невозможно. Но Поташов пробился. Хотя этого и не ждали. Да и кому было ждать? Родился в 1941 году, в Пскове, отец погиб на Великой Отечественной войне. Володя с матерью оказался в фашистском концлагере. После войны мать погибла в автокатастрофе. Детство – в детском доме. Затем – ремесленное училище в Ленинграде, служба на Северном флоте, работа грузчиком, электриком, бригадиром монтажников связи, начальником радиостанции, и... опять «не ждали», точнее ждали, но не там, где надо бы, а в местах, как определяет их адрес народное словосочетание, не столь отдалённых.

Выйдя из этих мест, оказался в Кемерове. И вроде бы вот оно – ждут: в 1972 году на Советствии молодых литераторов признали поэтом. И констатировали: книга почти готова. Но она не вышла.

А Поташов продолжал писать стихи и хранил их, как Велимир Хлебников, в наволочке.

Следующее, не знаю, какое по счёту, признание, Поташов получил на Советствии молодых литераторов Кузбасса в 1979 году. Это я хорошо знаю и помню. Потому что и моя рукопись рассматривалась на этом советствии. Руководил

поэтическим семинаром совещания Игорь Киселёв. Положительный отзыв семинара получили рукописи Владимира Поташова, Валерия Ковшова, Игоря Гурьянова и моя.

Это общее признание сдружило меня со всеми, кого перечислил выше. С Гурьяновым я общался, с Ковшовым очень плотно общался, с Поташовым переписывался до тех пор, пока не пришла от его друга Бориса Смердина телеграмма: «Умер Поташов» и дата похорон. Естественно, я собрался и поехал.

И всё же Поташов пробился. После смерти. Но пробился.

Его книга «По небу птичья клинопись» вышла в 1981 году. И сразу же вывела Поташова в первый ряд русской поэзии, где сегодня стоят имена Николая Рубцова, Алексея Прасолова, Аркадия Кутилова и других, которых тоже не ждали. Но они пришли и сказали. Чисто, светло, сильно, пронзительно, незабываемо, как у Поташова:

*По небу птичья клинопись,
Земля с теплом расталася.
Все птицы к югу двинулись,
Немногие остались.*

*И с ними сад заохранный
И дождик этот редкий...
И вот сидит нахохленный
Воробышек на ветке.*

*И холода не пройдены...
И косточки б погреть...
И некуда от родины
Единственной лететь.*

МОЙ ДРУГ, ТОВАРИЩ, БРАТ – ВАЛЕРА

Валерий Фёдорович Зубарев. Валера. Мой товарищ, друг, брат, с которым мы долго шли по жизни вместе. До тех пор, когда он ушёл из неё, а я остался. И не могу говорить дежурными словами о его значении, величии, месте в литературе. Хотя, несомненно, всё это есть – и значение, и величие, и только ему одному принадлежащее место. Талантлив он был безгранично и во многом. Конечно, прежде всего в стихах. Но была у его таланта ещё одна грань, переходящая в гениальность, – он был гений общения. Он умел так слушать и так говорить, что всё сказанное нами друг другу в бесконечных беседах приобретало гигантский смысл. И этот смысл не улету-

чивался со временем, а как бы превращался в смысл жизни, помогал жить.

Валера на десять лет старше меня. Но мы уже давно воспринимали друг друга как ровесники. Это лет в 20–30 разница в десять лет кажется большой. А в 40–50, в 50–60 и старше она почти не ощущается.

Знаком с Валерой с семидесятых годов. А с 1993 года работал с ним в одном кабинете. В 2003 году вместе перешли в другой кабинет. И в старом кабинете, и в новом сидели друг против друга. Мне казалось, что мы срослись лбами и мыслями. Я понимал его с полуслова. С полувзгляда. Он меня – тоже. Один из нас только открывал рот, другой уже отвечал на ещё не заданный вопрос.

А сколько было прочитано стихотворений – и своих, и других поэтов – во время нашего двадцатилетнего сидения друг против друга – сказать невозможно. До сих пор стоят в памяти лучшие стихи Валеры, наполненные особым, ни с кем и ни с чем не сравнимым, зубаревским смыслом:

*В следах
от бельевой верёвки,
с автографами на коре,
на положении
сиротки
стоит берёза
во дворе.*

*И встрепенёшься потрясённо,
когда она
в пустую высь
вдруг птицу выбросит
из кроны,
как редкую
живую мысль.*

Страшно, когда ампутуют руку или ногу. И страшно, когда смерть ампутует товарища-друга-брата.

ЛЮБУШКА

Любовь Алексеевна Никонова – гениальная русская поэтесса, имя которой достойно стоять в одном ряду с такими женскими именами русской поэзии, как Анна Ахматова, Марина Цветаева, Белла Ахмадулина, Юнна Мориц. Никто не смог так пронзительно выразить суть девяностых годов двадцатого столетия и с таким состраданием показать трагедию, случившуюся с нашим на-

родом в те годы, как это сделала Любовь Никонова в стихотворении «Прощание с 90-ми»:

*Раскололась огромная льдина.
Мы плывём на отдельных обломках.
Вот великой реки середина –
Здесь мы вспомним о наших потомках.*

*Здесь решится судьба не прибывших,
Не зачатых ещё, не готовых,
Наших будущих маленьких нищих,
Наших русских, по-своему новых.*

*Между тем стопроцентное зреньё
Наблюдает за этим исходом –
И, не веря себе, в отдаленье
Видит нимб над плывущим народом...*

Возможно, будучи не в силах удерживать в себе свой гигантский дар, Любовь Никонова дарила его всем, кого встречала на своём пути. Дарила не только стихами, но уроками мастерства, которым делилась, прежде всего с молодыми. Наверное, именно для того, чтобы дарить свой дар, она создавала различные литературные студии и объединения, в том числе такие, как «Фесковские литераторы», «Зёрнышко», «Созвездие лиры», «Берег». И многие из её воспитанников стали лауреатами и дипломантами всероссийских, областных, городских конкурсов, авторами публикаций, книг. А также Любовь Алексеевна долгое время руководила новокузнецким городским литературным объединением «Гренада», занятия которого в давние годы, когда была молодым литератором, посещала сама.

Всё у Любы было, как должно быть у большой русской поэтессы: гениальные стихи, постоянная занятость общественными делами и полное отсутствие личной жизни. У кого случается присутствие личной жизни, те оставляют детей. Иногда – талантливых. Любушка оставила потрясающие стихи.

ОН НЕ СТАНЕТ ДЛЯ РОДИНЫ ГРУЗОМ

Виталий Артемьевич Крёков – поэт, о чьём творчестве невозможно сказать в двух словах. И сколько их ни скажи, какие эпитеты ни примени – всё будет мало. Потому что его стихи – светлые, чистые, высокие, глубокие, пронзительные, ясные, милые, умные, мудрые, гениальные. Здесь десять эпитетов. А можно было и продолжить.

И были бы они не лишними в характеристике замечательных качеств крёковской поэзии. Но ограничимся и расскажем об одном эпизоде из биографии поэта.

В начале девяностых у Крёкова была большая – на целую полосу – публикация в легендарной газете Александра Проханова «День» (с 1993 года вместо неё издаётся газета «Завтра») с небольшим вступительным словом выдающегося русского литературоведа и историка Вадима Кожинова. «День» и «Завтра» – издания очень политизированные. Крёков – лирик в чистейшем виде, ничего общего ни с какой политикой не имеющий, к тому же на то время в Москве почти неизвестный. И, несмотря на это, политизированный «День», издававшийся гигантским тиражом, публикует целую полосу стихотворений живущего в провинции малоизвестного поэта.

Понятно, что публикация могла произойти благодаря огромному авторитету Кожинова, но Проханов и сам писатель, обладающий безупречным вкусом. Публикация, одобренная двумя выдающимися деятелями отечественной литературы, – дополнительное свидетельство того, что произведения нашего земляка заслуживают постоянного читательского внимания. Именно поэтому в альманахе «Университет Культуры», где я – главный редактор, в номере за 2015 год, опубликована проза, а за 2016 год – почти весь свод стихотворений Виталия Крёкова (с 1967 по 2003 гг.) и повесть «Артемий Чудов».

Поэт, пишущий прозу, – особое явление в литературе. И эта особенность многократно усиливается, когда речь заходит о таком глубоком, самобытном, ни на кого не похожем явлении, как Крёков. Совсем недавно, в сентябре 2016 года, он ушёл из жизни, но успел порадоваться своей публикации в альманахе. А радоваться было чему. Не только автору, но и читателям. Крёков предложил альманаху полные, несокращённые варианты своих произведений. И альманах их напечатал, первый и наверняка, если не навсегда, то надолго, единственный из литературных изданий. Проза Виталия Крёкова по-своему прекрасна и притягательна. Как его лучшие стихи:

*Если станет с деньгами получше,
Не в Москву, не в Париж и Берлин,
Я уеду скорее в Урумчи.
Загляну к русской Нине в Инин.*

Может, там отмеряют полозья
Санний путь за потаем потай.
Там, в суровом полынном межзвёздье,
В такт Вселенной вздыхает Китай.

Я не стану для Родины грузом.
Я не буду вымаливать мзду,
Но, как женщину, русскую музу
От разбойных людей увезу.

Будут плыть облака, будут ветры
Тополя серебристые сечь.
В лунных сумерках яшмовой флейтой
Будет слышаться русская речь.

Оглянусь я на дали и шири:
Не возьмёшь Томь блескучую впрок,
Что течёт в притаёжной Сибири,
Где шахтёрский стоит городок.

Богатеи там есть, ну их в баню.
Там поэтов, что в поле травы.
Там построил мужик на «тайване»
Колокольню в четыре трубы.

Там разрезы, там шахты и штольни.
А горняк только славою сыт.
За копейки из преисподней
Выдаёт на-гора антрацит.

И всегда время подлое в силе.
Горький плач там и скрежет зубов.
Помню день: из домов выносили
Враз шестнадцать шахтёрских гробов.

Резанул мужиков взрыв кинжальный.
От железа осталась труха.
И на лицах погибших лежали,
Как на ликах святых, воздуха.

Что за мною: судьба ли, судьбина?
Только крест свой несущий не один.
Ты жена – дочь шахтёрская, Нина.
Даст нам Бог, доберёмся в Инин.

Небеса сеют снежной порошей.
Вот Берёзовский город возник.
Ты со мною, кулёма-матрёша,
Ненаглядный мой снеговик.

